

И она не зря гордилась. Ее сыну, хотя ему уже исполнилось девятнадцать, в этом году удалось сдать экзамен на туншэна. В округе таких было всего несколько, и это событие мгновенно изменило положение их семьи. Из бедняков, которым никто не хотел отдавать своих дочерей в жены, они превратились в семью, где сын мог выбрать себе любую невесту.

— Ты, похоже, очень гордишься, — с недовольством произнес Цинь Мин.

Лю Суйфэн стоял на месте, пытаясь найти слова для оправдания, но ничего не мог сказать. Да, он тоже не был святым. Он действительно помогал этой женщине годами, надеясь выйти замуж за ее сына, обрести мужа и семью. Он хотел иметь свой дом.

Но теперь, слушая ее хвастливые речи, ее гордость и презрение к нему, он чувствовал, как сердце сжимается от боли. Он хотел кричать, выплеснуть свои эмоции, но ничего не мог сделать. Он чувствовал себя полным неудачником.

В момент, когда Лю Суйфэн погрузился в пучину отчаяния и самобичевания, чья-то рука легла на его плечо. Цинь Мин спокойно спросил:

— Что случилось? Тебе плохо?

Его голос звучал так же, как всегда, без насмешки или пренебрежения. Он говорил с ним так же, как и в любой другой день.

Неожиданно бесконечная горечь и самоуничижение Лю Суйфэна начали смягчаться. Он только что ненавидел себя за то, что стал объектом насмешек, но теперь его сердце успокоилось.

— Может быть, он не такой, как все? Может, он не будет смеяться надо мной? — подумал он, но продолжал молчать, опустив голову.

— Что с тобой? Скоро станешь супругом, а ты все еще стесняешься? Зачем опускаешь голову?
— голос Цинь Мина раздался над его головой.

Его слова были настолько ясны, что Лю Суйфэн дрогнул. Супруг? Он не хочет бросить его? Не считает его ничтожеством?

Лю Суйфэн наконец поднял голову. Его глаза были красными, как у кролика. Цинь Мин смотрел на него с легкой досадой и улыбкой, но в его сердце зародилось нежное чувство жалости.

— Наконец-то поднял голову. С этого момента ты не будешь плакать ни для кого, кроме меня, понял? — с улыбкой сказал Цинь Мин, погладив его по голове.

— Ты не считаешь меня ничтожеством? — дрожащим голосом спросил Лю Суйфэн.

Его голос был полон уязвимости, а глаза — тьмы, пожирающей его сердце. Он с надеждой смотрел на Цинь Мина. В этот момент слова Цинь Мина определяли его будущее.

— Как я могу так считать? Ты трудолюбивый, любишь помогать другим и делал это годами. Ты настоящий молодец, — улыбнулся Цинь Мин.

В этот момент он не обнял его, не вытер его слезы, но его спокойные слова показали, что все, что сделал Лю Суйфэн, для него было обычным делом.

— Ты не считаешь меня позором? Ты все еще хочешь жениться на таком, как я? — наконец вырвалось у Лю Суйфэна.

Его слова были болезненными, но больше всего они ранили его самого.

— Сегодня у тебя слишком много вопросов. Давай обсудим это завтра. Я не хочу говорить ничего сентиментального при всех, — с лукавой улыбкой сказал Цинь Мин, но в его голосе слышалась легкая досада, будто он сожалел, что не может обнять его прямо сейчас.

— А если я хочу услышать это сейчас? — настаивал Лю Суйфэн.

Но теперь в его глазах не было тьмы, печали или самоуничижения. Слова Цинь Мина, словно луч света, рассеяли всю тьму в его сердце. Его взгляд стал мягким и нежным.

— Если мой будущий супруг хочет это услышать, я, конечно, скажу. Вся свою жизнь я не женюсь ни на ком, кроме Лю Суйфэна. Будь то в богатстве или бедности, в жизни или смерти, он всегда будет рядом со мной, — спокойно произнес Цинь Мин.

Его слова, как гром, поразили самодовольную женщину и заставили окружающих замереть.

— Ни на ком, кроме Лю Суйфэна! — такие слова были невероятно трогательными. Даже когда Цинь Мин был одержим Бай Юйлянь, он никогда не говорил ничего подобного.

Более того, Цинь Мин осмелился произнести это при всех. Если бы он когда-нибудь нарушил свою клятву и женился на другой, одно только неодобрение деревенских жителей могло бы его уничтожить.

Вокруг женщины и девушки заволновались, решив, что вернутся домой и заставят своих мужей или женихов дать такие же клятвы, причем самые строгие.

— Эй, Цинь, ты что, совсем с ума сошел? Я же тебе говорила, что Лю Суйфэн — нехороший человек, он коварен. А ты еще и клятву ему даешь! Твои родители убьют тебя, когда узнают, — женщина все еще не сдавалась. Она ненавидела Лю Суйфэна и хотела видеть его униженным.

— Зови меня Цинь Мин. Мы с тобой не настолько близки. И кого я хочу женить, это мое дело. Что скажут мои родители, это моя забота, не твоя. Дорогие соседи, вы все слышали, как Лю Суйфэн, из жалости к этой вдове и ее сыну, помогал им годами, но вместо благодарности его обвиняют в корыстных целях. Теперь, если вы решите помочь им, будьте осторожны. Не кормите змею, которая может вас укусить, — громко заявил Цинь Мин.

— Мой А Суй — добрая душа. Он даже бездомную собаку приласкает, а уж помочь человеку в беде — для него естественно. Просто он не разглядел, что помогает не собаке, а змее, — спокойно, но язвительно добавил Цинь Мин.

— Эй, Цинь, кого ты называешь змеей? Что за бред ты несешь? — женщина начала терять самообладание.

— Что, хочешь подраться? Ты уже достаточно насолила моему А Сую, а теперь и со мной хочешь связаться? Говорю тебе, веди себя прилично, иначе я с тобой не церемониться, — с холодной улыбкой сказал Цинь Мин, закатывая рукава и демонстрируя свои крепкие руки.

Пан Мэй не осмелилась напасть. Она могла позволить себе наброситься на Лю Суйфэна, зная, что он слаб. Но с Цинь Мином связываться она не решалась.

— Ладно, ладно, Цинь Мин, ты еще пожалеешь, — с этими словами Пан Мэй, чувствуя, что ее лицо горит от стыда, ушла. Окружающие, видя, что представление окончено, тоже разошлись.

Ма Тун с завистью посмотрел на Лю Суйфэна. В те времена люди с большим уважением относились к клятвам. Если кто-то клялся перед всеми, его слова считались искренними. И клятва Цинь Мина, произнесенная при всех, несомненно, была правдой.

<http://bllate.org/book/16865/1554027>